

Чарльз Рекнагель

Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес направился в Грузию, когда военные действия в конфликте между Грузией и Россией достигли своего апогея, чтобы вместе с лидерами еще четырех посткоммунистических государств выразить свою поддержку народу Грузии. Корреспондент RFE/RL Чарльз Рекнагель спросил у него, чем обусловлено такое отношение к усилиям Грузии по вступлению в НАТО и в Европейский Союз и как президент Эстонии трактует конфликт между Грузией и Россией.

RFE/RL: Президент Ильвес, Вы не сочли за труд вылететь в Тбилиси и выразить свою солидарность в то время, когда в Грузии была кризисная ситуация. Почему именно Вы ощущаете, что проблема Грузии – это Ваша проблема и проблема всего мира?

Тоомас Хендрик Ильвес: Если уходить в философию, то можно сказать, что мы не можем позволить повториться событиям 1938 года, когда Невилл Чемберлен вернулся домой, провозгласив мир, и никого не интересовал тот факт, что маленькое, далекое и незнакомое государство разделяется на части. Без сомнения, именно так начала зреть Вторая мировая война.

Если же рассуждать на уровне реальной политики, то тех основ, на которых мы построили свою жизнь после краха коммунизма в Советском Союзе, т.е. после так называемого передела 1991 года, для нас всегда было важным, чтобы Россия не вернулась к своим прежним привычкам завоевания других государств, несмотря на происходящее во внутренней политике России. Это одна из основополагающих

предпосылок, которая оказывает влияние на всю нашу деятельность, на оборонные программы НАТО и пр. Эта основа разрушена, и потребуется не менее одного поколения, чтобы восстановить то положение, в котором мы находились, – ситуацию, в которой мы верили, что могут случиться любые словесные перепалки, но вторжения России в другие государства больше не повторится.

RFE/RL: Многие простые грузины выражали в средствах массовой информации разочарование в том плане, что Запад не оказал им большей поддержки в недавнем военном конфликте. Слышали ли Вы подобные упреки, находясь в Тбилиси, и что Вы на них отвечали?

Ильвес: Да, я слышал такие упреки, и я бы сказал, что здесь существует много важных факторов. Один из них заключается в том, что действительно жаль, что Грузии не был предложен план действий по вступлению в НАТО на саммите альянса в Бухаресте, и как я сказал уже тогда – и могу повторить это сейчас – это решение трактовалось как зеленый свет возможности поступать с Грузией по своему усмотрению. Я также считаю, что те, кто блокировал [данное предложение], несут определенную ответственность за случившееся.

Второй момент, конечно же, заключается в том, что Запад реагирует слишком медленно. Я имею в виду, что проходит определенное время, прежде чем наступает осознание значения таких событий. Когда понимание приходит, Запад действует, как правило, довольно решительно. Например, Соединенные Штаты Америки отреагировали достаточно сильно. Я говорю о том, что они, как и мы, были потрясены случившимся, и нам всем потребовалось определенное время для осознания того, что в парадигме произошел полный сдвиг.

RFE/RL: Предложенный французами план мирного урегулирования состоит из пяти пунктов, в число которых входит и отказ от применения силы в будущем, а также отвод войск на исходные позиции. Является ли это адекватным первичным пунктом для преодоления кризиса и возобновления переговоров о замороженных конфликтах Грузии, или Вы считаете, что обеим сторонам следовало бы поставить больше условий?

Ильвес: Если недавно произошло вторжение силами десяти тысяч солдат и почти тысячи танков, то, по моему мнению, отвод всех этих сил на исходные позиции не является особо хорошим началом. Мне кажется, надо быть конкретнее. Вооруженные силы должны покинуть грузинскую территорию, и мы должны обеспечить территориальную целостность Грузии.

RFE/RL: Думаете ли Вы, что Европейский Союз после этого инцидента займет более жесткую позицию в отношении России, приблизится к позиции стран Восточной Европы в отношении и дистанцируется от видения Франции и Германии?

Ильвес: Я считаю, что это неизбежно. Если вспомнить слова, которые я прочитал несколько дней назад, то мне кажется, что в Европейском Союзе существует поддерживающая Россию русофильская коалиция, ставящая хорошие деловые отношения выше таких европейских ценностей как права человека, демократия и так далее. И я думаю, что это станет в будущем причиной разногласий.

В то же время, я не представляю такого одобрительного отношения в стане «реалистов», к которым, как мне кажется, относимся и мы. Мы видим, что Польша, а вслед за ней и Литва пошли на уступки при обсуждении договора о партнерстве и сотрудничестве, поскольку на них было оказано очень серьезное давление. Я не думаю,

что такое может повториться, если подобные вопросы вновь окажутся на повестке дня. Как я уже сказал, прежняя парадигма безвозвратно утеряна, главные основополагающие моменты изменились.

RFE/RL: Некоторые наблюдатели могли бы утверждать, что конфликт между Россией и Грузией вновь подчеркнул различие между двумя категориями стран, формирующихся в Европе. Одна – это единое пространство, признаками которого являются общие институты, и в котором существуют условленные политические и экономические правила, цель которых заключается в сохранении мира и благополучия – я имею в виду пространство НАТО и Европейского Союза. Вторая – это пространство, которое обозначено лишь прошлой историей и в котором не урегулированы сферы влияния и отношения крупных государств. Я говорю о России и ее соседях. Видите ли Вы такой мировую историю Европы, если можно так выразиться, и не по этой ли причине Вы уделяете так много внимания происходящему на востоке?

Ильвес: Это слишком серьезный вопрос, чтобы просто ответить «да». Я смотрю на ситуацию несколько в иной перспективе. На самом деле я бы сказал, что Европа – это сфера, которую определяют взаимные интересы, основные свободы и так далее. Именно это определяет Европу, и если этого нет, то нет и Европы.

Приведем один пример: Кенигсберг был сердцем Европы. У нынешнего Калининграда нет с Европой ничего общего. Речь идет об одном географическом пространстве. В одной из недавних статей Иосиф Йоффе и, конечно же, Роберт Каган, отмечали, что по своей сути в отношении России речь идет о гегемонистском подходе 19-го века, и поэтому России очень трудно понять это и установить свои отношения с тем, что мы называем Европой.

Европе тоже нелегко. Я имею в виду, что, с одной стороны, речь идет об авторитарной и тиранической власти нефти, где денег очень много, и, с другой стороны, о Европе, которая не в состоянии правильно осознать применение силы и не верит в такую

политику, но, тем не менее, верит в деньги, и такая комбинация является опасной. Но по своей сути brutальная сила, власть и подкуп политиков – все то, свидетелями чего мы являемся в Европе и, к сожалению, на самом высоком уровне – не вяжется с предпосылками Канта о «вечном мире», которые близки Европейскому Союзу.

Ссылка на оригинал статьи: [Radio Free Europe / Radio Liberty](#)